

84(2=411.2)6
К 55

Александр Кобелев

Вещий камень

16+

1719972

1719972

Кобелев Александр Афанасьевич.

Родился в 1955 г. в поселке Залари Иркутской области.
Окончил Ангарский строительный техникум. Работал на
химкомбинате г. Ангарска.

Стихи публиковались в коллективных сборниках,
периодической печати.

Живёт в пос. Новонкутск Иркутской области.

Александр Кобелев

Вещий камень

СТИХИ

Иркутск 2012

К48

Кобелев Л.Л. Вещий камень: стихи. -
Иркутск: Издательский центр «Сибирь», 2012. - 104 с.

*«Вещий камень» - первая книга Александра Кобелева.
В неё вошли стихи, написанные в разные годы.*

Унгинские мотивы

Вкус огурцов

Детский сон окутан утреннею негой.
Мама разбудила в шесть часов утра:
«Всё, сыночек, хватит по деревне бегать,
Время сенокоса, помогать пора».

Для деревни лето - время заготовки,
Не на день готовишь, а на целый год.
Мы идём в распадок, на плечах литовки,
Сзади младший братик налегке идёт.

Травы осыпают сапоги росой,
Рядом лес сосновый, вдалеке село.
Вроде бы не сложно справиться с косою,
Но вначале это очень тяжело.

То срубаю кочку, то врубаюсь в яму,
Но литовку твёрдо, как отец, держу.
Может, очень скоро обгоню я маму,
А потом и папе спину покажу.

и сидит братишка на моём прокосе,
Пусть сидит, играет - он ещё малыш.
Сам-то я сегодня совершенно взрослый:
Если есть хозяйство, разве посидишь?

Все проголодались, отдохнуть бы надо,
Мухи надоели, солнце высоко.
Вот идём мы к лесу, дышит лес прохладой,
Хоть и тяжесть в теле, на душе легко.
и легла, как скатерть, белая газета,
На газете хлеба целый каравай,
Зелень с огорода - угощение лета,
В банке простокваша и в бутылке чай.

Стол нам - пень сосновый, стулья нам - коряги.
Сели рядом мама, братик и отец.
Под улыбку мамы, с видом работяги
ел я самый вкусный в жизни огурец.

Унгинский край

Не найдется в целом мире
Мест прекраснее Сибири,
Там среди великих рек, среди тайги,
Лесостепь пересекая,
Птиц и небо отражая.
Серебрятся воды маленькой Унги,

А вокруг нее просторы -
Степь широкая и горы,
Лес на склонах от подножий до вершин.
И над речной шепчут ивы
С детства милые мотивы,
Что когда-то им напел Улигершин.

Льются песни улигера,
В них про подвиги Гэсэра,
В них история бурят и их земли.
Над землей летели годы,
Шли и шли сюда народы
И с собою песни новые несли.

Все народы разной веры
Приняла земля Гэсэра,
И Унгинский край им родиною стал
Каждый жил с другими дружно,
А когда бывало нужно,
Меч защитника из ножен Доставал.

И должны мы помнить вечно
С благодарностью сердечной
Про своих живых и павших земляков
Как в тяжелую годину
От Москвы и до Берлина
Шли железные полки сибиряков.

Пусть же край наш возродится
Пусть пшеница колосится,
Пусть грохочет камнем гипсовый карьер,
И на стройках, фермах, пашнях,
На лугах привольных наших
Мы напишем современный улигер.

Кони

Снова праздник конный
Вышел за Татхал,
Жителей района
Ипподром собирал.

Вот команда с пульта -
Старт коней лихих.
Словно катапульта
Выбросила их!

Все кругом ликует,
Кони, ваш полет
Каждого волнует,
За душу берет.

И не может зритель
Вас понять сейчас:
Как же вы летите,
Крылья где у вас?

Можно догадаться
Только по пыли,
Что слегка касаться
Вы могли земли.

Возвращение

Не был я в этом месте давненько,
Сразу вспомнилось детство моё.
Здесь когда-то была деревенька,
Сорок лет уж как нету её.

И кому ж она так помешала,
Что её приказали снести?
А таких деревенок немало
Растеряла Россия в пути.

И хотя был народ недоволен,
Целый мир безвозвратно исчез.
Только ветер гуляет на воле,
Только глухо волнуется лес ...

Картошка

Эй, быстрее копай картошку!
Что-то небо потемнело,
Даже солнышка не видно,
В серых сумерках дома,
Семь рядков ещё осталось,
Поскорей бы кончить дело.
А картошка уродилась!
Будет сытая зима.

Мы успели! Мы успели!
Дождь идёт, всё небо в дырах,
А картошка-то в подполье.
Мы сегодня молодцы!
И сейчас её наварим,
Как положено - в мундире.
Будут грузди со сметаной,
В пупырышках огурцы.

За окошком непогода,
За окошком дождь осенний,
А мы будем спать спокойно,
Сны хорошие придут.
Но сначала - славный ужин.
Вам такого объеденья
Даже в лучшем ресторане
Ни за что не подадут!

Конь красив и статен.
Это, кстати, знал
Тот, кто много статуй
В бронзе отливал.

Деятель и воин,
Облачённый в медь,
- Каждый ли достоин
На коне сидеть?

Может, переплавить,
Если портит вид?
А коня оставить,

Конь пускай стоит.

Заларинка

По небесной глади чистой
Гонит ветер облака.
Вьется лентой серебристой
По ковру лугов река.
Здесь российская глубинка,
Место чистое пока.
Заларинка, Заларинка,
Невеликая река.

То лениво замирает,
То стремительно бежит,
То преграды огибает
И воронками кружит,
Поднимая муть суглинка,
чернозема, и песка.
Заларинка, Заларинка,
Невеликая река.

А кругом родные дали.
Я опять приду сюда
И отброшу все печали
- пусть уносит их вода.
Поведеет меня тропинка
Вдоль крутого бережка.
Заларинка, Заларинка
Невеликая река.

Зелень, теплая погода,
воздух чистый - красота!
Ребятишкам здесь свобода
И раздолье для скота.
Гонит мальчик хворостинкой
к броду пестрого быка
Заларинка, Заларинка,
Невеликая река.

Вот рыбак - гроза сорожки,
На бревне как на скамье.
Значит, будет ужин кошке
Или даже всей семье.
А сорожка серой спинкой
Дразнит, дразнит рыбака.
Заларинка, Заларинка,
Не великая река.

Солнце медленно садится,
Ветерок совсем затих.
Может быть, сейчас родится
В голове хороший стих,
Или строчки половинка,
Или целая строка
Подскажи мне, Заларинка

Невеликая река.

Голубица

Нет, нету на свете ягоды
нежней и слаще голубицы ...
В. Распутин

Я не сплю, а сон мне снится,
Будто я в родном лесу.
Детство. Солнце. Голубица.
Сок из ягоды сочится,
В кружке я её несу.

Сковырнул немного серы,
Перелез через завал
И сатиновые шкеры,
Производства тёти Веры,
На коленке разорвал.

О валёжину запнулся,
Кружку чуть не обронил,
Потоптался, отряхнулся –
И назад домой вернулся
В пятнах ягодных чернил.

С этой ягодой лесною
Попрощаюсь я во сне –
Позапрошлою весною
Лес родной сгорел со мною.
Всё сгорело по весне.

Возвращение Баатора

Бей, шаман, бей, шаман,
В свой старинный гулкий бубен!

Пусть гудит он, как степь
Под копытами коня.
Ты, шаман, мне сказал:
Путь из дома будет труден
Но дорога домой
Будет лёгкой для меня.

Отчий край, по тебе
Тосковал я на чужбине,
Возвращаюсь домой –
Сердце рвётся из груди.
Чует верный мой конь,
Что мы с ним в родной долине,
И как птица летит
К светлой дымке впереди.

я душой был всегда,
Моя родина, с тобою.
Вот уже вдалеке
Юрты белые видны,
И родная Унга
Вьётся лентой голубую,
Как хадак на руках
У любимой Дангины.

Давно собрали урожай
И на полях, и в огородах.
К зиме готовится мой край,
К зиме готовится природа.

Вот туча мрачная плывёт
И краем солнце закрывает.
Она, я думал, дождь несёт,
А над посёлком снег летает!

Хотя давно пора домой,
Я постою ещё немножко.
Кружат снежинки надо
 мною,
Сядут тихо на ладошку ...

Охотник Хартагай

(По мотивам бурятского эпоса)
Вспомним грустными стихами
Старину родной земли,
Когда куры с петухами
Лучше всех летать могли.

В небе молнией блистали,
И полёт их был таков,
Что порой они летали
Выше белых облаков.

А потом в лесу садились
Среди вольных птичьих стай.
Место, где они гнездились,
Знал охотник ХартагаЙ.

Он мечтал, смотря на небо,
В синий тенгрий без границ:
«Вот сейчас отведать мне бы
Мясо этих вольных птиц».

и однажды на рассвете
Хартагая ждал успех:
Он расставил тихо сети
И поймал их сразу всех.

А обратною дорогой
Он услышал просьбу птиц:
«Ты, охотник, нас не трогай,
Мы снесём тебе яиц.

Со скотом твоим рогатым
Будем жить в одном дворе.
Будешь пищею богатым,
Будет радость детворе».

Хартагай решил: «Теперь я
Крылья им укорочу,
Спрячу дома эти перья
И курятник сколочу».

Так и сделал. И всё лето
Жили курицы, неслись.
Надоело им всё это,
Всё сильнее манила высь.

«Что нам, курам, делать? Что же?
Дни за днями провожать?
Улететь теперь не сможем.
Может, просто убежать?»

А петух мрачнее тучи
Так сказал: «Я не хочу

Жить без крыльев тех, летучих.
Как без них я полечу?

Хартагая мы попросим,

Пусть он крылья нам вернёт.
Мы ему добро приносим,
И охотник нас поймёт»,

Клювом в двери постучался,
Кто-то двери отворил.
Долго он не возвращался,
Долго что-то говорил.

Хартагай ответил что-то,
Вышел к курицам во двор.
«Ждёт сейчас меня охота,
Я пойду в сосновый бор.

Понимаю вас и каюсь,
Признаю свою вину.
Я на зорьке возвращаюсь,
Крылья сразу же верну».

Вышел с луком за ворота
И пошёл в сосновый лес.
Но в лесу случилось что-то,
И охотник там исчез.

Может, духов он обидел,
И его медведь задрал,
Но никто-никто не видел,
Чтоб охотник умирал ...

Утром зорька заалела.
Тихо-тихо во дворе.
Птичья стая пролетела
и растаяла в заре.

А петух взлетел повыше,
Чтобы видеть неба край,
И кричит, кричит на крыше:
«Хартагай -ай! Хартагай!»

Вот и зорька догорает,
А петух сидит и ждёт.
Как молитву повторяет:
«Хартагай сейчас придёт.

Никогда он не забудет
Обещанье крылья дать.
Завтра снова зорька будет,
Завтра снова будем ждать.

Если дал охотник слово,
Значит, выполнит всегда».
Загрустили куры снова,
Снова курицам беда.

На забор присели рядом

Все в надежде, а пока
Провожают грустным взглядом
В синем небе облака.

И клянут удел свой горький,
Вспоминая прежний рай,
И зовёт петух на зорьке:
«Хартагай-ай! Хартагай!»

Скоро сказка станет былью —
Хартагай домой придёт.
Только тот получит крылья,
Кто надеется и ждёт.

Деревенские песни

Как светлы и как красивы,
Словно ясный майский день,
Эти русские мотивы
На просторах деревень.

Помню, сидя за работой,
Тихо женщины поют.
Я сижу, рисую что-то,
и в душе моей уют.

Мелодичные преданья
Как из вечности звучат.
Помню грустные Странья
В исполнении девчат

Или праздник, на котором
Соберутся всем селом
И раздольно сводным хором
Грянут песню за столом.

Для меня неповторимы
Эти песни давних лет,
Мною все они любимы,
Нелюбимых песен нет.

Даже песни-нескладушки
Мне отрада для души,
Даже смачные частушки,
Что горланят алкаши.

Пока жив, я все приемлю,
Всю простую красоту,
А умру, зарытый в землю
Тихой песней прорасту.

Дорога на Балтай *

Конь бежит лениво,
В инее вся грива.

Батя молчаливо
Курит свой табак.
Я сижу, болтаю
И ворон считаю.
Едем мы к Балтаю
через Хархунак**

Ехать на заимку
Нам тепло в обнимку.
- Пережить бы зимку,
- Говорит отец.
На заимке старой
Зимовье с кошарой
И большой отарой
Зунгарских овец.

Там пойдет работа
До седьмого пота:
Батя сделал что-то –
Мне нельзя отстать.
На Балтае, братцы,
Некогда болтаться.
На Балтае, братцы,
Некогда болтать.

* Балтай - заимка
** Хархунак – падь

Кто быстрее

Мне писал историк местный,
Что в Алари говорят,
жил Гарма - бегун чудесный,
Зверобой, стрелок известный
Из хонгодорских бурят.

Если что стрелу отклонит,
И она не так пойдет,
То Гарма не проворонит,
На лету стрелу догонит,
Скорректирует полет.

И такой же быстроногий
был еще Бадма бурят.
Жил он в юрте у дороги,
Ни богатый, ни убогий,
Из унгинских булагат.

Если он с женой повздорит,
То уйдет на целый день
И любого объегорит,
На ведро архи поспорит,
Что обгонит свою тень.

Пробежать он так сумеет,
В беге выложится весь,
Вокруг юрты вихрем взвует,
Семь кругов завить успеет,
Когда тень успеет шесть.

Тень, бывало, не отстанет
И успеет тоже семь.

Все равно он спорить станет,

Все равно того обманет,
Кто неграмотный совсем.

На Унге аларских встретят,
Вместе выпьют тарасун,
На вопросы все ответят,
И случайно так заметят:
«Ах, какой Бадма бегун!»

и аларские встречают,
Льют унгинским тарасун,
Все в гостях души не чают
И случайно замечают:
«Ах, какой Гарма бегун!»

Один раз дошло до брани,
И сказали старики:
«Чтоб не спорить, не буянить,
Бегуны на Сур- Харбане
Побегут вперегонки.

и конец наступит спору».
Вот подходит Сур-Харбан,
Бегуны по уговору
Забрались вдвоем на гору
- старт давался от Саян.

Луки разом натянули
И пустили две стрелы,
Да за ними так рванули,
Что, догнав, под них нырнули
И вперед ушли, орлы.

Эй, лети с дороги птица,
Уводи с пути зверей!
Видишь, вихрь, какой-то мчится,
Как в коллайдере частица,
Даже чуточку быстрее.

Чуть земля не проломилась
Где пути их пролегли.
А потом, скажи на милость,
Там три дня трава дымилась,
И парило от земли.

Люди, что в пути встречались,
Не могли никак понять -
Как две тени оторвались,
За хозяевами гнались,
Не могли никак догнать.

Бегуны стремглав летели
От Саян и до реки,
Где в тени ангарской ели
Птицеловы в ряд сидели

И готовили силки.

Слабонервные и дети
Все зажмурили глаза,
Чтоб не видеть страхи эти:
Бегуны влетели в сети,
Тут бессильны тормоза.

Все закончилось прекрасно
Одновременно пришли.
А толпа-то не согласна,
Кто быстрее пришел - не ясно.
Снова споры завели.

Чтобы не было сомнений,
Посмотреть они хотят:
Как с учетом всех мгновений,
Прибегут на финиш тени,
И как стрелы прилетят.

Стрелы вскоре прожужжали,
Одновременно причем.
Тени вместе прибежали,
Так на финиш поднажали,
Аж язык через плечо.

Споров больше с того года
Не случалось никогда,
И с тех пор два близких рода,
Ветви одного народа
Стали неразлейвода.

Три сына

-1-

(По мотивам бурятского эпоса «Абай Гэсэр»)

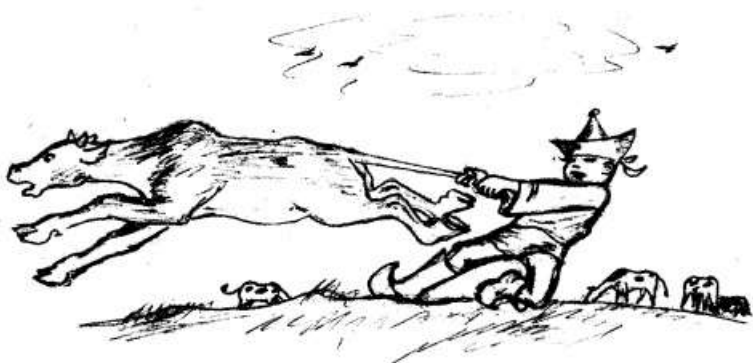
Посреди степи, где седой курган,
жил да был Саргал – тугешинский хан.
Хоть не молод был, но силен и смел,
небольших троих сыновей имел.
Старший сын его Был Алтан Шагай,
средний сын его был Мунгэн Шагай.

Младший сын Нюргай был в ту пору мал,
и отец его соплячком прозвал.
Тот Нюргай еще продолжал расти,
как отец послал их телят пасти.
Братья выгнали и пасут телят,
было тех телят ровно семьдесят.

Братья бегают и не ведают,
чем сегодня днем пообедают.
Вот уж есть пора, и сказал Нюргай:

«Брат Алтан Шагай, брат Мунгэн Шагай,
Здесь у нас телят очень много есть,
Вот бы нам втроем одного б хоть съесть».
Братья старшие не решаются,
Ведь родители заругаются.
Взялся их Нюргай успокаивать,
Уговаривать и настаивать:
«Мы съедем телка, а потом втроем
Шкуру травами по сильней набьем.
Крикну - кыш! - тогда я кургузому,
Куцехвостому, толстопузому.
Побежит телок, забодается.
Разве кто-нибудь догадается?
Будет шкура та по степи скакать,
Не поймет отец, не узнает мать».
Согласились те: «Ну давай, пока
Мы костер зажжем, ты лови телка».
И тогда Нюргай Был хотя и мал,
но за хвост телка на бегу поймал.
Шкура так в руках и осталась,
До костра одно мясо мчалось.
Мясо сжарили и отведали,
всем телком зараз пообедали.
И сказал Нюргай: «А теперь втроем
Шкуру травами По сильней набьем»

Набивать взялись они чучело,
Шкуру бедную чуть не вспучило.
Закричал Нюргай: «Эй, кургузый - кыш!
Что не бегаешь и чего стоишь?»
Побежал «бычок» и мычал притом,
И бодаться лез, и махал хвостом.
Осмотрел отец Стадо вечером:
«Молодцы! Сказать больше нечего».

-2-

Снова выгнали по утру телят.
Подошел обед, есть опять хотят.
А как день прошел - братья сытые,
В стаде два телка уж набитые
И багульником, и степной травой.
И второй бычок скачет, как живой.

И на третий день братья сытые,

В стаде три телка уж набитые.
Потом пять телят, потом семь телят,
Наконец они съели семьдесят.
Так за лето все пообеденно,
Мясо всех телят было съедено.

Вот пригнали раз эти чучела,
Братьев сильная жажда мучила.
Каждый пьет и не напивается.
Мать на них глядит, удивляется:
«Где ж вы так сынки, утомились,
Что водою чуть не опились?»
«Ох, напились еле-еле мы -
Очень жирное мясо ели мы.
Жирный был телок, дольше всех ходил,
Из несъеденных он последний был».
Побежала мать и проверила,
Аж глазам своим не поверила!
С виду бык как бык, и стоит мычит,
Пригляделась: а трава торчит.
Догадалась мать, заругалась мать
И давай кнутом сыновей гонять.

Услыхал отец, прибежал на крик,
А потом до слез хохотал старик.
Про проделки те он, конечно, знал
Но сейчас ругать сыновей не стал.
Возмужали все, стать сибирская,
Сила будет в них богатырская.
Но хотя в руках сила славная,
Сила духа – вот сила главная.
Потому-то он им заранее
Приготовил три испытания.
Не заметишь, как пролетят года,
Кто его народ защитит тогда?

-3-

Поутру старик очень рано встал,
Шило острое с сапогом связал.
«Эй, вставай, Алтан! Надо лично мне
Осмотреть поля приграничные».
И поймал быка превеликого,
Нрава буйного, полудикого.
Сели сын с отцом, и повез их бык,
Позади Алтан, впереди старик.
Ближе к полудню заезжает в лес,
А деревья там чуть не до небес.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Что б из ЭТОГО ты построить мог?»
Сын задумался, долго думал он:
«Я построил бы для скота загон».
Проезжают лес, вид меняется -
Перед ними степь расстилается.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,

Как бы эту степь ты освоить мог?»
Помолчав чуть-чуть, говорит Алтан:
«В этом месте я основал бы стан.
Будет здесь трава хорошо расти,
Значит, будет где табуны пасти».
Замолчал Алтан и молчит отец.
Впереди поля и степи конец.
И влетает вдруг возле бычьих ног
Птичка малая, полевой вьюнок.
Вздрогнул бык, а хан сколько было сил
Шило острое ему в бок всадил.
Как кузнечик вверх подскочил бугай,
Повалились хан и Алтан-Шагай.
Вот лежит отец и не дышит он,
Сын зовет его, но не слышит он.
Закричал Алтан: «Умер папа мой!»
Разрыдался и побежал домой.
Возвратился в дом, а за ним отец:
«Уж подумал я, что пришел конец.
Кое-как мне там удалось встать».
И под вечер все улеглись спать.

-4-

Вот назавтра хан снова рано встал,
Шило острое с сапогом связал.
«Эй, вставай, Мунгэн! Надо лично мне
Осмотреть поля приграничные»,
И поймал быка превеликого,
Нрава буйного, полудикого.
Сели сын с отцом, и повез их бык,
Позади Мунгэн, впереди старик.
Ближе к полудню заезжают в лес,
А деревья там чуть не до небес.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Что б из этого ты построить мог?»
Помолчал Мунгэн, посмотрел кругом.
«Вот из этого я б построил дом».
Проезжают лес, вид меняется –
Перед ними степь расстилается.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Как бы эту степь ты освоить мог?»
И сказал Мунгэн: «В этом месте мне б
Целину вспахать да посеять хлеб».
Замолчал Мунгэн, и молчит отец.
Впереди поля и степи конец.
И взлетает вдруг возле бычьих ног
Птичка малая, полевой вьюнок.
Вздрогнул бык, а хан сколько было сил
Шило острое ему в бок всадил.
Как кузнечик вверх подскочил бугай,
Повалились хан и Мунгэн Шагай.
Вот лежит отец и не дышит он,
Сын зовет его, но не слышит он.
Закричал Мунгэн «Умер папа мой!»

Разрыдался и побежал домой.
Возвратился в дом, а за ним отец:
«Уж подумал я, что пришел конец.
Кое-как мне там удалось встать».
И под вечер все улеглись спать.

-5-

Вот назавтра хан снова рано встал,
Шило острое с сапогом связал.
«Эй, вставай, Нюргай! надо лично мне
Осмотреть поля приграничные»,
И поймал быка превеликого,
Нрава буйного, полудикого.
Сели сын с отцом, и повез их бык,
Позади Нюргай, впереди старик.
Ближе к полудню заезжают в лес,
А деревья там чуть не до небес.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Чтоб из этого ты построить мог?»
Отвечал Нюргай: «Я б построить мог
Для людей жилье и большой острог.
Чтоб не вздумали здесь враги пройти,
Чтоб была у них крепость на пути».
Проезжают лес, вид меняется -
Перед ними степь расстилается.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Как бы эту степь ты освоить мог?»
«Место здесь, отец, подходящее,
Будет битва здесь настоящая.
И залью тогда степь просторную
Кровью вражеской, кровью черною.
Защищать начну я от нечисти
И тебя, отец, и Отечество».
Рад отец тому, что сын сказывал,
Только виду он не показывал.
Потому сидит и молчит отец.
Впереди поля и степи конец.
И взлетает вдруг возле бычьих ног
Птичка малая, полевой выюнок.
Вздрогнул бык, а хан сколько было сил
Шило острое ему в бок всадил.
Как кузнечик вверх подскочил бугай,
Повалился хан и слетел Нюргай.
Вот лежит отец и не дышит он,
Сын зовет его, но не-слышит он.
Говорит Нюргай: «Я закон храню,
Наряжу отца и предам огню».

-6-

Посидев, Нюргай вытер грязь с лица.
До чего ж ему было жаль отца!
И пошел, клянягоре личное,
На поля на теприграничные
У китайцев там взял шелка Нюргай,

Разноцветные, с позолотой край.
В те шелка одел своего отца.
Горе тяжкое, тяжелей свинца...
Постоял Нюргай и слезу утер,
Посреди степи запалил костер.
И кострище то было сложено
По обычаю, как положено.
Произнес Нюргай все, что следует,
Тем, кто веру ту проповедует.
Хоть нелепо так и погиб отец,
Но душе его не пришел конец.
Пусть душа его, что селилась в нем,
К небесам уйдет со святым огнем.
Пусть очистится, успокоится,
Жизнь иная там ей откроется.
Вот в костре отец, и шелка на нем
Сразу вспыхнули, занялись огнем.
Закричал отец: «Ой, сынок, прости!
Затуши огонь и отца пусти.
Хоть я полон сил, но не молод я,
Знать хотел, кто б мог заменить меня.
Вижу я, Нюргай, ты у нас каков:
Буду смело жить, не боясь врагов,
А умру - пойду в свой последний путь
Как положено, а не как-нибудь.
Что случилось здесь, ты о том молчок.
Для меня теперь ты не соплячок.
Ты не маленький, а большой Нюргай,
Так зовись теперь удалой Нюргай.
Как сейчас я горди доволен я!
Ты сегодня сядь впереди меня».
Сын поймал быка, и повез их бык,
Впереди Нюргай, позади старик.
... Вечер медленно опускал туман
На родную степь и седой курган.

* * *

Славным баторм стал Алтан Шагай,
Славным баторм стал Мунгэн Шагай,
А Нюргай подрос и Гэсэром стал.
Добрый юношам он примером стал,
Старикам он стал в утешение,
А врагам он стал в устрашение.
Ведь не зря его похвалил отец.
Тут и повести подошел конец.

Моя поляна

Отставший гусь

Он низко- низко пролетел,
Пронзительно кричал.
Осенний луг росой блестел
И гуся привечал.

Не опустил гусь на луг,
Рванулся ввысь опять,
Чтоб улетающих на юг
Сородичей догнать.
Мои сородичи уже
Влетели в новый век,
А я сижу на рубеже,
Отсталый человек.

Отстал, а всё-таки я рад,
В век новый не хочу.
Пусть все летят куда хотят,
А я не полечу.

Пусть буду снегом погребён,
Мне юг не по нутру.
В двадцатом веке я рождён,
В двадцатом и умру.

Сложу покорно два крыла
И навсегда уйду
В Россию ту, что умерла
В семнадцатом году.

- Кому нужны стихи *сейчас*,
Когда пришли мы к Интернету?
- Да, всё меняется у нас,
А вот стихам замены нету.

- Кому сейчас стихи *нужны*?
Дела найдутся поважнее.
- Стихи нужны для всей страны.
Пусть расцветают вместе с нею.

- Кому сейчас нужны *стихи*?
Уж лучше б денег было много.
- Когда мы слепы и глухи,
Стихи нужней. И вера в Бога.

- Стихи сейчас нужны *кому*?
Тому, кто бредит прошлым веком?
- Стихи нужны тебе, ему,
Всем, кто зовётся Человеком.

Забывшие деревни

Деревеньки вы мои, не ухожены.
В окнах взгляды стариков настороженны.
Крик вороний, лай собак,
Покосившийся чердак

И подворья кое-как
огорожены.

На пол улицы домишки заброшены,
Белой плесенью в углах запорошены.
Полуржавые крюки,
Полустлевшие мешки,
И дверные косяки
Перекошены.

Проезжая этот край запустения,
Толь во сне, толь наяву
вижу тени я:
Так уходят навсегда
Старосельские года –
Символ тяжкого труда
и терпения.

Любитель природы

В предверье непогоды,
Когда мороз крепчал,
Любителя природы
В лесу я повстречал.

Он разговор ваводит;
Что любит лес до слёз,
И тут на нас выходит
Семейка диких коз.

До выстрела дуплетом
Он мне сказать успел,
Коль был бы он поэтом,
Природу бы воспел.

Бежит, отбросив водку,
Забыв ружьё в лозе,
Перерезает глотку
Подстреленной козе.

Вот так писал он оду
Своим ножом в крови.
Избави бог природу
От этакой любви.

* * *

Белый месяц, белый круг
Вокруг месяца.
Скоро ль белая зима
Перебесится?

Поднимусь С постели я,
С белой простыни.
И окошко, и виски
В белой проседи.

За окошком мир объят
Белой негою.
А по белым по снегам
Парни бегают.

Из-за белого цветка
С белой завязью
Погляжу вослед парням
С белой завистью.

Брошенный

Осень. Поздним вечером
На скамью у домика
Сел старик, задумчиво
Голову склонив,
А в руках натруженных
Шуйская гармоника
Завела тихонечко
Памятный мотив.

И в зарю вечернюю
Уплывает музыка
Прямо над теплицами
Опустевших дач.
Попиликай тоненько,
добрая гармоника,
Побеседуй с дедушкой,
Вместе с ним поплачь.

Вера

Как трудно мне поверить в Бога,
Всего себя Ему отдать.
Ведёт, ведёт к Нему дорога,
Конца которой не видеть.

Вся моя вера на иконах,
На куполах и на крестах,
В молитвах, в колокольных звонах,
В трёх вместе сложенных перстах.

Всех внешних проявлений много,
Обычных штампов и клише.
А я хотел бы верить в Бога,
Когда Он у меня в душе.

Поляна

Здравствуй, милая поляна
В зареве жарков.
Я вернулся из тумана
Тысячи веков.

Хватит мне топтать дорогу.
Сяду, посижу.
Это место ближе к богу –
Душу освежу.

Ветер мысли навевает,
И цветок живой
Понимающе кивает
Рыжей головой.

А Может быть

Мудрец греховное забыл,
Был чист и непорочен.
Он очень-очень умный был,
А может быть, не очень.

Сидел он как-то дотемна
И вычислил случайно:
у женщин тайна есть одна,
А может быть, не тайна.

Как вертят нами, всё узнал
От флирта до интриги.
И всё на стенке записал,
А может быть, и в книге.

Не знаю я, где та стена,
Не ездил я по свету.
Я только знаю - есть она.
А может быть, и нету.

Но раз стены и книги нет,
Кто тайну ту откроет?
Ведь стоит нам раскрыть секрет ...
А может быть, не стоит?

Песня косовской славянки

Моя милая сторонка
Как лебедушка плыла,
Только вдруг над горизонтом
Распластались два крыла.

Испытанье Бог готовит:
В земли косовских славян
Прилетел на запах крови
Алчный падальщик орлан.

Злая туча над простором,
Над лебедушкой гроза,
А двуглавый чёрный ворон
Хочет выклевывать глаза.

Но пускай запомнят янки,
Если мира не хотят:
Мы, свободные славянки,
Сербских пестуем орлят.

И орлята скажут грозно:
«Если наш народ живёт,
Значит, рано или поздно
Лебедь снова поплывёт».

Февраль. 2008 г.

Бродяга

Солнца утреннего свет
Шлёт мне пламенный привет,
И скрипят мои штиблеты,
И конца дороги нет,

И мелькает взад-вперёд
Проезжающий народ.
Только я один шагаю,
И улыбка во весь рот.

Эх, прощай, моя тоска!
Грусть-печаль моя, пока!
Может, кто-то проезжая,
Крутит пальцем у виска,

Но дорога хороша,
Если ходишь не спеша,
Если в думах сокровенных
успокоилась душа.

* * *

Людмиле Беляковой

Сижу я и книгу листаю,
Хороших поэтов читаю,
Того и гляди, что растаю
От лирики разных времён.
А лира выводит мотивы,
Я слышу мелодий разливы.
Стихи так стройны и красивы,
Как ровный английский газон.

А сам я с душой наизнанку
Растил не газон, а полянку,

Не лиру держа, а тальянку –
Певунью российской земли.
Цветут на поляночке дикой
Стихи красоты невеликой,
Ошибки растут повиликой,
И ляпов торчат будыли.

Мой стиль иногда необычен,
Мой стих иногда непривычен.
Редактором весь «заковычен»,
Редактора нужно понять.
Но я повторять не устану,
Что милую сердцу поляну
В угоду эстетам не стану
Газонокосилкой ровнять.

Весна и осень

На ложечку радости
- бочка печали.
На узкой тропе,
что бежит за оградами,
Опять мы случайно
с тобой повстречались,
Пройдя, оглянулись
и встретились взглядами.

Весенняя свежесть
Цветущего сада
В глазах твоих ясных,
Моя чернобровая,
А взгляд мой сейчас,
Как канун листопада,
Когда впереди
Только осень суровая.

Но встречи жестоки
В своём постоянстве,
В своей безысходности,
В тяжести бремени.
Прекрасно,
Что мы повстречались в пространстве.
Ужасно,
Что мы разминулись во времени.

Памяти брата

Как быстро дневные часы пролетают!
Взошла луна.
Луна эта - все почему-то считают -
на всех одна.
Невинную ложь мы придумали сами.
Уверен я-
Луна, что ты видишь своими глазами,
Твоя.

Поселок уснул, даже речка уснула.
Темным - темно.
Луна моя тихо сейчас заглянула
В мое окно.
А в спальне лежит моя мама, вздыхает,
И свет погас.
Ну, где же душа твоя, мама, летает
Сейчас?

Кому тяжелее сейчас во вселенной,
Скажи, кому?
И я уйду сквозь кирпичные стены в
ночную тьму.
Лечу над землею к луне моей ближе,
В объятья звезд.
Потом, оглянувшись, я ясно так вижу
погост.

Кресты и оградки, цветы и могилки –
Приют веков.
У свежих могилки пустые бутылки
В тени венков.
Там мама проходит фигуркой печальной
среди оград,

И смотрит на маму с эмали овальной
мой брат.
и тихо в такой же глубокой печали
Идут за ней
Несчастные матери, что потеряли
своих детей.
И чтобы не видеть фигур этих горьких
в немой тоске,
По лунному блику скачусь,
как по горке, к реке.

Мне душно, мне тошно, мне плохо, но только
к воде прильну,
как волны поделят на равные дольки
мою луну,
по волнам запляшут, запрыгают свечки
далеких звезд.
. . . Ночами соленые волны у речки
от слез.

Вспоминая праздник

Уж пятый месяц пролетел.
Как этот праздник отшумел,
Лист тополиный пожелтел.
Но почему, не знаю,
Когда сквозь ветер и дожди
Зима маячит впереди,
Да грусть осенняя в груди,

Я возвращаюсь к маю.

И ясно вижу в тот момент
Среди цветов и алых лент
Наш поселковый монумент
И ветеранов рядом.
Вот грянул праздничный салют.
И ветераны все встают,
И честь погибшим отдают.
И смотрят гордым взглядом.

Вот патриотов юный ряд
Про водят праздничный парад.
Вот ветераны говорят,
О прошлом вспоминают.
Блестит на солнце седина,
Блестят на солнце ордена,
И весь народ, и вся страна
Здоровья им желают

И деньги может быть дадут
(те деньги внуки отберут),
И фронтовых сто грамм нальют,
И поздравлять их будут.
Но быстро торжество пройдет.
Как ветеран потом живет?
Скорей всего на целый год
О нем опять забудут.

И будет он один сидеть,
На голубой экран глядеть,
Там голубые будут петь
Про что-то голубое,
Там будут перхотью страшать,
Златые горы обещать,
Дадут совет как отощать,
Фильм будет про ковбоя.

А может кто-нибудь зайдет
Узнать, как он один живет;
Подарок, может, принесет,
Бывает и такое.
Он будет ночью вспоминать
Про годы юности, про мать
И про оставшихся лежать
Друзей на поле боя.

... А май разбросил краски дня,
Смеется громко ребяшня,
(Но что-то грустно для меня
В день праздничный, весенний)
И ветерок Саянских гор
Российский треплет триколор
В толпе неспешный разговор
Да море поздравлений.

я слышу, люди говорят,
Что стало меньше тех солдат,
Что с каждым годом реже ряд,
Что нет уже того-то.
Стоит, молчит солдатский строй,
Как перед схваткой боевой,
А годы по шеренге той
Строчат из пулемета ...

Северомуйский вечер

Мой милый край, мой край безбрежный,
Ты и суровый край и нежный,
Зелёный край и белоснежный,
Храни, Господь, тебя, храни.
... Последний свет с зарёю тает,
На рельсах звёздочка мигает,
И вечер тихо зажигает
Северомуйские огни.

у нас свой мир на самом деле —
Своя жара, свои метели,
Свой даже свет в конце тоннеля.
Не веришь - приезжай, взгляни.
А вечер всё темней и глуше,
Лишь стук колёс покой нарушит,
И снова тронут наши души
Северомуйские огни.

Вещий камень

Над дорогою ночью
Тьма кромешная до жути ...
Вдруг он вырос предо мною,
Камень вещий на распутье.

Там на камне ворон - птица,

Буквы светятся зловеще.
И лежит он, как граница,
На распутье камень вещей.

Но шагну за эту грань я,
Не читая, что на камне.
Там на камне - предсказанья,
Не нужны они пока мне.

я не верил никогда им,
И вы тоже им не верьте.
Лучше жить пока мечтаем
И не знаем дату смерти.

Подрисуй себе глаза,
Брови, словно крылья птицы,
Удлини свои ресницы.
Я не *против* и не *за*.

Но скажу - в который раз! —
Сила вся твоя не в этом,
А в том выстреле дуплетом
Из твоих лукавых глаз.

Русь-тройка

Через весь земной простор,
Через степи, цепи гор,
Мимо рек, полей пшеницы
Три коня летят, как птицы,
Напрямик во весь опор.

В сбруе мчат недорогой,
Не нашлось, видать, другой.
Ну а кони как красивы!
Встречный ветер треплет гривы,
Шеи выгнуты дугой.

И летят они вперед,
И ничто их не берет.
Эта тройка - символ силы,
Трудовая мощь России,
Трудовой ее народ.

Тянет тройка тарантас,
в тарантасе много нас:
Старики, бомжи, больные,
Безработные, блатные,
Предприимчивый Кавказ.

Впереди ямщик сидит,
Через шоры вдаль глядит,

Сам не знает, куда едет,
Уверяет, что к победе,
А над кем - не говорит.

И везет, везет свою
Преогромную семью.
Переполнен тарантас-то.
Там я в качестве балласта
Прицепился на краю.

и никак не разберусь,
Чем, за что и как держусь.
Повстречался нам дорогой
Николай Васильич Гоголь:
«Ты куда несешься, Русь?»

Ой, Васильич, отвяжись,
Ты уж спрашивал, кажись.
Мы ж - в какие мчимся дали —
До сих пор не разгадали.
Н-н-но, залетные! Держись!!

Мой выбор

Имя, как символ страны, выбирается,
И гордостью сердце мое загорается
При виде таких величин.

А символы, гении все, разноликие —
Герои, таланты, святые, великие —
С заоблачных смотрят вершин.

А я бы простого хотел, приземленного,
Чтоб был он нам свежестью леса зеленого.
Был далью бескрайних равнин.

Был горькой. полынью, былиночкой мятною,
Был песней народной с тоской непонятною,
Был гроздьями красных калин.

И вдруг в голове из тумана кромешного
Рождается символ родного и грешного,
Рождается образ один:

В простецкой рубахе, без лоска столичного,
На пыльном проселке у поля пшеничного
Сидит босоногий Шукшин.

Памяти Николая Рубцова

Как на русском Севере,
На земле намоленой,
Как у чистой реченьки
В обрамленьи ив,
Сидя возле лодочки,
Старой, неосмоленной,
Пел Боян о Родине,
Пел на свой мотив.

О Великой Родине
И о тихой родине,
Про судьбу матросскую,
Про любовь и честь.
От пушинки-облачка
До гнилой колодины,
Всё, что сердцу дорого, -
В этих песнях есть.

В них души спокойствие,
В них души метание,
Чистота небесная
И густой туман.
В этих песнях искренних,
Тихих, как мечтание,
Спрятан неразбуженный,
Пламенный вулкан.

Мир в потоке будничном,
Вырвусь из потока я
И душою в чистую
Речку окунусь.
... Жизнь твоя нелегкая,
Смерть твоя жестокая,
Песни твои вечные
Как Святая Русь.

Жажда

Замерло во времени
Солнце надо мной,
И стучит по темени
Молоточком зной.

Лишь трава незрячая –

Высохший ковыль,
Лишь как печь горячая
На дороге пыль.

Степи раскаленные,
Тени нет нигде.
Мысли воспаленные
Только о воде.

Слышу: будто кружиться
И журчит поток,
Но нигде нет лужицы
Даже на глоток.

Мне б дойти до дому,
там с радостью в душе,
Как в пучине омута,
Утону в ковше.

Монголия

Сердце вспомнит, замирая,
Край, которому нет края.

Край нетронутой природы,
Символ истинной свободы.

Край, где я познал когда-то
Рабский труд солдат стройбата.

Как живешь под новым небом,
Край, где тридцать лет я не был?

Ты мне - родина вторая,
Край, которому нет края.

Звонница

Песни звонница поёт
Колокольные,
Звон малиновый плывёт
В степи вольные.

А в степи село, река
Вьётся около.
Ела поедом тоска
Парня -сокола.

Не найдёт его душа
Слово нужное.
А соседка хороша!
Да замужняя.

Поняла его она
По глазам уже,
Говорит: «Я не вольна,
Я ведь замужем».

Постояли, разошлись
В разны стороны,
Сразу слухи понеслись,
Словно вороны.

и преследуют его,
Будто хвост они.
Побежал он от всего
К дальней росстани.

Всё равно куда идти
Парню бравому –
Хоть по левому пути,
Хоть по правому.

А тоска не отстаёт,
Сзади гонится,
Грустно вслед ему поёт
Песни звонница.

* * *

Мальчик с доброй улыбкой
Подошел, стоит над зыбкой
И игрушечною рыбкой
Стал малышку развлекать.
Мать малышки, словно кричит,
Налетела - рвет и мечет:
- Он ребенка покалечит.
Что с такого можно взять?

Да, такой он. Ну и что же?
Унижать больных негоже.
И обидеть он не может
Умный может обижать.
Сколько всяких умных было:
Ирод, Дракула, Атилла,
Гитлер, Браун, Чикатило ...
Дальше список продолжать?

«Дети Дауна» иные,
Чужды им грехи земные,
Не обидают те больные
Ни детей, ни стариков.
Люди, люди ... Успокойтесь,
Их улыбки удостойтесь
И, пожалуйста, не бойтесь.
Бойтесь умных дураков.

Смерть друга

Он другом мне был. Таковым и остался.
Всегда мужиком настоящим считался.
Конечно, нелепо он с жизнью расстался,
Хотя в передрягах бывал невредим.

Он жил как умел, никому не мешая,
Порою ошибки - как все - совершая.
Ведь ссора с семьёю - ошибка большая.
Его не сужу, да не буду судим.

Он в кресле уснул, что за шторой стояло.
Морозным туманом весь Рудник объяло,
Но солнце уже над Туроном сияло.
Пора бы вставать, а он спит всё равно.
Хозяйка-зима в палисад заходила,
Наличники свежим снежком нарядила.
Напрасно она его утром будила
И веткой рябины стучала в окно ...

Сияют в небе звёзды и планеты.
Мне почему-то верилось всегда,
Что это светят русские поэты
И Пушкин нам - Полярная звезда.

я сам при мерил звание поэта
На перекрёстках Млечного
Пути И звёздочкой своей сияю где-то.
Вам трудно эту звёздочку найти.

и сам себя я спрашиваю: «Старче,
Кто видит твою позднюю звезду!»
Но, может, я смогу гореть поярче?
А может, в неизвестность упаду,

Мелькну, как искра, сгину, как виденье -
И не слышать меня и не видать,
Зато во время моего паденья
Вы можете желанье загадать.

Как в селе без гармониста?

Как в селе без гармониста!

Вечер был морозный, лунный.
Дед Антип залез на печь
И оттуда, как с трибуны,
Произнёс такую речь:

- Как в селе без гармониста?
С гармонистом веселей.
Или как без тракториста –
Капитана всех полей?

Печку сам себе не сложишь –
Как в селе без печника?
И, бывает, занеможешь –
Нужен врач наверняка.

А подкову где закажешь?
Как в селе без кузнеца?
Что касается продажи -
Тут нельзя без продавца.

Нужен умный участковый,
Чтобы вор к вам не залез.
Дом задумал ставить новый –
Плотник нужен позарез.

Нужно чтоб пастух нашёлся –
Как в селе без пастуха?
... И поэт у нас завёлся,
Мастер складного стиха.

Выйдет в поле, бродит, бродит,
Смотрит, смотрит в облака.
И при деле тоже вроде -
Как в селе без дурака?

Вы только поглядите –
Вон пар очка стоит
у нас на Рудник-сити
На главной Ленин –стрит.

Она стройна, как скрипка,

А он, как контрабас,
И юная улыбка -
Такой вот расколбас.

Живут они не хило,
Живут они легко,
В одной руке мобила,
В другой руке пиво.

Им шмутки «от Версаче»
Таджики привезли.
(Юдашкин горько плачет,
И Зайцев на мели.)

и гордость душу тронет,
И радостней живёшь
От мысли, что в районе
Крутая молодёжь.

Плясун

Время праздника пришло,
Пляшет, пляшет всё село.
Не умею дроби бить,
Но охота лучшим быть.

Как пошёл плясать вприсядку,
Вся изба дала усадку.
А как задал трепака,
Только пыль до потолка.

От моих -го от коленцев
Разлетелись вёдра в сенцах.
От моей-то от чечётки
Половицы - как решётки.

От моей-то чеботухи
Закрестились старухи.
Я и лучше сдробочу,
Если горло промочу.

Я и лучше отчебучу ...
Вы чего подняли бучу?
Не держите вы меня,
Не вяжите вы меня.

Я отныне - Петипа,
Некультурная толпа.

Кержак и чалдон

Я кержак, а он чалдон.
Мы друзья обоим с ём.
То по дружному живём,
То по-всякому.

Мы как бражку сотворим,
То малёхо задурим,
Но сперва всегда погрим,
Побалакаем.

«У тебя - я грю - жана
Не гуранка ни хрена
Не семейская она,
А притворщица».
А он грит: «Ты, паря, чо?
Обижашь её почо?»
Да толкат меня в плечо,
Да топоршится.

«А твоя-то - грит, - мабуть,
Не ясашная ничуть,
Хоть монисты на всю грудь,
Как у Брежнева».
Я давай зубам скрипеть,
Нету моченьки терпеть,
И сцепились мы опеть,
Пушше прежднева.

Утром он спохмелья встал
И попёрся на Байкал,
А меня с собой не взял,
В Голоусная.
Чо он в бабах понимает?
Рыбу в озере имат.
Нончи рыба тама, грят,
Шибко скусная.

Шапка-невидимка

Шапку-невидимку
Дед Антип нашёл,
В шапке-невидимке
В магазин зашёл,

Целый ящик водки
Незаметно взял,
Дома осторожно
Влез на сеновал.

Только начал тихо
Водку в стопку лить,
Слышит крик старухи:
«Сколько можно пить?!»

Вот слезает тихо
С лестницы Антип,
И бежит старуха
На знакомый скрип,

Да с истошным воплем

- Получай же, гад!
- Бьёт, не видя деда,
Просто наугад.

Получил граблями
Дед, в который раз,
Как всегда, прицельно,
Точно между глаз.

Вот что значит вредный,
Вечно пьяный дед,
Вот что значит тренировка
Сорок долгих лет.

Леший

Я не раз в лесу у нас
Видел злого лешего,
Что пугает в поздний час
Конного и пешего.
Уши будто у осла,
Волосёнки рыжие,
Бородища, как метла,
Нос огромный, как свекла,
И глаза бесстыжие.

Жил за лысою горой,
Был лесным бродягою
И заваривал порой
Брагу целой флягою
На осиновой коре
Вместе с короедами.
Прятал флягу на горе,
Укрывая пледами.

И внимательно следил
за её брожением.
Только сам почти не пил
По соображениям:
Чтоб циррозом не хворать,
Чтоб не быть лунатиком,
Чтобы в старости не стать
Старым маразматиком.

Но зачем и смысл каков
Брагу ту настаивать?
Чтобы честных лесников
Постоянно спаивать
Он всегда сидит тайком,
Ждёт нас за околицей.
Я работал лесником,
Так пришлось уволиться.

В лес уйду, бывало, я
От тепла домашнего
(голова болит моя
Опосля вчерашнего)
Прислонюсь спиной к сосне.
Тут по следу звереву
Подкрадётся он ко мне
И привяжет к дереву.

И воронку принесёт,
Сбегает за флягою
И поить меня начнёт
Непотребной брагою.
Крикну во всю мощь свою:
«Хватит этой дикости!
На работе я не пью
Окаянной жидкости!»

Хоть кричи, хоть не кричи -
Леший поит брагою,
А не пьёшь - заполучи
По башке корягою.
так и пью я целый час,
А глаза слипаются.
Вот поэтому у нас
Лесники спиваются.

Проснись. товарищ Сталин

Про снись, наш товарищ Сталин,
Вернись к нам, товарищ Сталин.
Приди в этот мир,
Наш главный кумир -
Народ твой в беде оставлен.

Пришли времена лихие,

Пришла воровская стихия.
Я честно тружусь
И этим горжусь,
А оба соседа плохие.

Ворюга сосед мой справа.
И где на него управа?
Он князем слывет,
Он князем живёт,
И спирт у него - отрава.

А слева сосед мой спился,
Он с рюмкой в руке родился
И пьёт круглый год.
На что же он пьёт?
Ведь он никогда не трудился.

Тружусь я один, не бастую,
Но против воров протестую.
Кумир наш, приди,
На них погляди
И всех расстреляй подчистую

Проснулся товарищ Сталин!
Вернулся товарищ Сталин!
И в первый же час
Расстрельный указ
Во все ОВД доставлен.

Конец теперь беспределам,
Займётся милиция делом.
И вот вдоль села
К ворюге пошла
Комиссия по расстрелам.

Ссутулился князь, как кляча,
Встретил комиссию плача.
«Отмазался» князь:
Выходят, смеясь
И что-то карманах пряча.

К соседям другим вбежали,
С порога носы зажали
И сразу назад:
«Пока пусть лежат»
Там пьяные все лежали.
Соседей стрелять не стали
И только ко мне пристали.
Тут что-то не то!
Меня-то за что?
За что же, товарищ Сталин?!

Баночка радости

Сыро. Небо хмурится.
Я стою на улице.
Я продрог. Озноб по коже.
И ползёт толпа прохожих,
На людей-то не похожих,
А похожих на жуков.
На ползучих, нелетучих,
Разнесчастных, невезучих,
Мокрых, мрачных и колючих
Мурашей и червяков.

Я стою и жду кого-то,
Весь заваленный работой,
Весь раздавленный заботой.
Я такой же, как и все.
Вдруг, вприскочку и вприпрыжку –
Только брызги на штанишки! –
Появляется малышка
Ясным лучиком в росе,
Бабочкой, мячиком,
Солнечным зайчиком!

Полюбуйтесь, тёти, дяди:
Я в сестрёнкином наряде,
Губы в маминой помаде,
Только ростиком мала.
И она у магазина,
Там, где с мусором корзина
И заплакана витрина,
В луже баночку нашла.
Яркую, красную,
Рас - пре - красную,
Наилучшую на свете.
Как я раньше не заметил?
И девчонка, как все дети,

С этой баночкой в руке
Закружилась и запела
Ни на русском,
Ни французском,
Ни немецком,
Ни тибетском,
А на детском языке.

Пой, пой, бабочка,
Про свою баночку,
Подарила её мне бы,
Я б таким несчастным не был,
И под этим серым небом
Сам вприсядочку бы пошёл,
И дуэтом мы бы спели:
«Эй, ползущий еле-еле!
Не грусти, на самом деле
Жить на свете хорошо!»

Телевизор

Только «ящик» я включаю,
Сразу чувствую - дичаю.
Позитив не замечаю,
Вижу только то, что есть.

Из-за ящика на ножках
Мы все чокнулись немножко:
Он сейчас не в мир окошко,
А в палату номер шесть.

Мне не поверили ...

И пусть их распирает зло,
Мне не случайно повезло,
Когда ушёл я за село,
Где пили брагу с лешим.
Заснул я, помню, в тишине,
И тут явился он ко мне,
Гусар на боевом коне.
Спросонья я опешил.

Он мне сказал: «Я тут блужу,
Тебя уж полчаса бужу.
Да ты, приятель, я гляжу,
Лежишь в нетрезвом виде.
Где тут дорога сквозь кусты?
Я вот везу в Москву цветы
Царице муз и красоты
Волконской Зинаиде.

Садись за мною на коня.
В запасе пунш есть у меня –
Источник ясного огня
И славного веселья».
«Нет, - Я сказал, - пойду пешком,
Хоть с верховой ездой знаком,
Давно не езжу ни на ком,
Тем более с похмелья.

Ты лучше шагу сбавь на треть,
Не забывай вперёд смотреть.
А как покажется Тыреть,
То поверни направо.
А там скачи вперёд, гляди –
Препятствий много впереди.
Но в кабаки не заходи,
Там выпивка - отравка».

Он тронул шпорами коня,
А летний день летел звеня,
День самый светлый для меня.
Святое было время!
Денис Васильевич курил,
Смеялся весело, острил,
А я судьбу благодарил
И шёл, держась за стремя.

Кандидаты в депутаты
Замелькали на ТиВи.
Снова выборы, дебаты,
Клятвы верности в любви,

Так красиво распевают
Вразнобой и в унисон,
И мелькают, и мелькают,
Как завязки от кальсон.

* * *

Когда играет власть с народом,
Прёт оптимизм из всех щелей,
Что жить нам лучше с каждым годом,
Жить с каждым годом веселей.

Давайте спросим: «Россияне,
Жить стало весело, легко?»
Нет, лучше спрашивать не станем,
А то отправят далеко.

Верхушка в роскоши, низы полубосые,
Но гордо по разбитой колее
Идет в Европу матушка-Россия
В лаптях и в бриллиантовом колье.

5 Апреля 2055 года

Какая красивая дата!
Пойду на просторы полей,
Чтоб здесь на природе, прогрессом
объятой,
Столетний встречать юбилей.

Лежит за селом, как лужайка,
Широкий зелёный палас.
За ним синтетических ёлочек стайка,
Берёзки из белых пластмасс.

Чуть дальше, за рощицей этой,
Оттаял искусственный дёрн.
На нём созреть успевает за лето
В блестящих пакетах попкорн.

В лазурной дали небосклона
Обычный весенний контраст,
Дождливая серость клочков поролона
И белый, как снег, пенопласт.

А жизнь не сбивается с круга,
И вот надо мной, стариком,
Шарниры летят, возвращаются с юга.
Я им помашу париком.

Они голосами стальными
Кричат что-то радостно мне,
А я улыбаюсь зубами вставными
И радуюсь сотой весне.

Александр Афанасьевич Кобелев

Вещный камень
Стихи

Рисунки автора

Редактор В. В. Козлов
Комп. верстка В. В. Никифорова
Корректор Л. Н. Заступова
Обложка А. В. Тугов

Подписано в печать 10.12.2012. Формат 84х108¹/₃₂.

Бумага офсетная. Тираж 300 экз.
Издательский центр «Сибирь»
Отпечатано в типографии
ООО "Иркутский Дом печати»